

Ольга Дмитриева

Дискредитация святого: Томас Бекет и английская реформация

«Подумай, Томас, о посмертной славе.
Король умрет, придет другой король
И все переиначит королевство.
Король забыт людьми, едва почил,
Лишь мученики правят из могил».
Т.С.Элиот. «Убийство в соборе»

В XX в. ситуация с сохранением памяти об отдельно взятой личности претерпела революционные изменения. Биологическая смерть перестала грозить индивиду забвением, поскольку, благодаря современным системам накопления электронной и цифровой информации, он оказался способен продолжить виртуальное существование и после своего физического исчезновения. Более того, оно может оставаться достаточно «оживленным» за счет многообразных баз данных, в которых человек продолжает фигурировать, фотодокументов, видео- и аудиозаписей, сохраняющих его облик и голос, воспроизводящих движения и т.д.

С этой точки зрения у человека средневековья было, разумеется, значительно меньше шансов на продолжение жизни после смерти, если только не вести речи о выдающихся исторических личностях, память о которых хранят предания, анналы, произведения искусства или овеществленные памятники их деятельности. Но даже среди них выделяется совершенно особая категория людей: те, кого почитали святыми. Их шансы оставить по себе долгую память, продолжив виртуальное существование, практически сопоставимы с современными возможностями, поскольку существует множество разнообразных каналов, по которым память о святом воспроизводится и передается все новым и новым поколениям. Речь идет о материальных напоминаниях в виде гробниц и реликвариев (значительно превосходящих по силе воздействия любой светский монумент в силу их сакрального характера); о многовековой устной народной традиции, передающей рассказы о чудесах святого; об официальной «ученой» агиографии и историографии; о визуальной памяти, закрепленной в иконографии и, наконец, о том, что можно назвать «литургической памятью» - праздниках в церковном календаре, особых службах и молитвах и т.д.

Соответственно, и стереть воспоминания о святом труднее, чем о любом из его современников, а между тем, такая задача могла быть поставлена в определенных исторических обстоятельствах. Подобный казус, имевший место в Англии в эпоху Реформации, и является предметом данного исследования. Речь в нем пойдет о наиболее почитаемом английском святом - Томасе Бекете, архиепископе

Кентерберийском, гробница которого была объектом многочисленных паломничеств со времени его мученической смерти в 1170 г. Его место в национальной иерархии святых определялось не только традиционными чудесами, но и тем, что с именем Бекета была так или иначе связана целая система политических представлений о законном государственном устройстве (и шире - о должном миропорядке), поскольку, согласно средневековой легенде, именно ему Дева Мария вручила елей для совершения обряда миропомазания над английскими королями.

В годы Реформации ни один из святых, культы которых были упразднены новой англиканской церковью, не был столь неудобен и опасен для ее основателей, как Бекет. Острый конфликт прелата с Генрихом II из-за свобод и юридических привилегий церкви, а также исторические обстоятельства гибели архиепископа вызывали слишком прямые аналогии с событиями, происходившими в Англии при Генрихе VIII. Авторитет мученика, бросившего вызов светским властям, следовало сокрушить, «обезопасив» прошлое, дабы оправдать настоящее. На наш взгляд, попытка изучения опыта насильственного искоренения исторической памяти, и того, как ее гонители «нащупывали» сферы и опорные точки, в которых она коренилась, может оказаться не менее интересной, чем обращение к механизмам и технике ее передачи и сохранения, поскольку в конечном счете это две стороны одного и того же явления.

В общей кампании против почитания святых и поклонения их образам Бекет сделался особой мишенью уже в первой половине 30-х годов XVI в. В поисках убедительных аргументов против его культа инициаторы англиканской реформации обратились к авторитету Эразма Роттердамского, который обронил несколько едких замечаний в адрес популярного английского святого в своих «Застольных беседах». В одном из диалогов он описал богато украшенную драгоценными камнями гробницу последнего в Кентербери, к которой паломники совершали приношения золота и других даров; на взгляд Эразма, это сделало святого таким богатым, что ему следовало бы поделиться своими сокровищами со страждущими бедняками¹. (Как мы увидим, позднее упреки Эразма будут почти дословно воспроизводиться английскими протестантскими авторами, в частности, У. Кемденом). Симптоматично, что в 30-е годы тексты «Застольных бесед» Эразма, известные до этого лишь в латинском оригинале, были в пропагандистских целях переведены на английский язык по инициативе властей².

И все же критика Бекета Эразмом, имевшая под собой самые общие морально-этические основания, не могла послужить эффективной дискредитации архиепископа: для этого требовались средства иного порядка. В середине 30-х годов в кругу реформаторов, близких к королю, по-видимому, уже сложился план развенчания святого, которого предполагалось представить государственным преступником и

мятежником, восставшим против законной власти Генриха II в церковных делах.

Существуют весьма любопытные, но крайне недостоверные свидетельства о так называемом «суде» над Томасом Бекетом, якобы устроенном Генрихом VIII, пославшим покойному официальную повестку с требованием явиться в судебное собрание 24 апреля 1536 г.³ В современной историографии преобладает мнение о том, что этого «потешного суда» в действительности никогда не было, и он является плодом воображения католических полемистов XVI-XVII вв. (Сандерса, Поллини, Энрикеса, Рибеденейры), экстраполировавших опыт римской церкви, прибегавшей к посмертным процессам над еретиками, на практику англикан⁴. Одним из творцов легенды о суде был автор изданного в 1626 г. в Брюсселе трактата «Возрождающийся Феникс» испанец Хризостом Энрикес. Он впервые привел вымышленный им или кем-то из предшественников текст королевского вызова на суд: «Генрих, милостью Божией король Англии, Франции и Ирландии, защитник веры и верховный глава церкви Англии. Сим мы вызываем и привлекаем к нашему Верховному суду тебя, Томас, некогда архиепископ Кентерберийский, дабы ты ответил относительно причины твоей смерти, прегрешений, кои ты совершил против королей, наших предков, и неправомерности, с которой ты присвоил себе имя святого; ибо в том, что ты претерпел смерть, ты выступал скорее мятежником против твоего короля и господина, нежели защитником католической церкви... И поскольку твои преступления [совершены] против королевской власти, каковая в настоящее время принадлежит нам, мы вызываем тебя на суд, дабы ты выслушал приговор. И если ты не появишься, мы продолжим судебное разбирательство в соответствии с процедурой, предписанной в законах наших королей»⁵.

О «суде» упоминал и папа Павел III в булле об «английской схизме» от 17 декабря 1538 г., обнародованной в Нидерландах, Франции и Шотландии: «Святой был вызван на суд, осужден как не подчинившийся его постановлению, и ему был вынесен приговор в совершении государственной измены»⁶.

Перу Энрикеса принадлежит описание и самого «процесса»: согласно его версии, вызов был публично оглашен перед гробницей святого. Спустя тридцать дней назначили адвоката, чтобы он отвечал от имени Бекета на суде, в ходе которого было «доказано», что в своей попытке сопротивления древним и справедливым законам архиепископ был мятежником, а его убийцы выступали как защитники чести и достоинства их короля. В итоге Генрих VIII вынес приговор, послуживший, по мнению Энрикеса, доказательством чудовищных и злых намерений короля и прославивший св.Томаса, обеспечив ему второе мученичество. Согласно вердикту, его запрещалось считать святым и мучеником и «числить среди правых», его имя и изображения изымались

отовсюду, а сам Бекет объявлялся виновным в оскорблении величества, измене, вероломстве и мятеже⁷.

При всей ее недостоверности, история о суде над Бекетом вполне соответствует атмосфере, царившей при дворе Генриха VIII, и передает обличительный запал в отношении архиепископа, свойственный Т.Кромвелю и другим ревностным сторонникам Реформации. Вполне аутентичные официальные документы, в которых предлагалась переоценка деяний Бекета, были выдержаны именно в той тональности, которую пытался имитировать Энрикес. В языке королевской прокламации относительно св. Томаса, опубликованной в ноябре 1538 г., можно уловить ссылки на некое недавно предпринятое расследование исторических обстоятельств его гибели: «... как это стало теперь совершенно ясно, Томас Бекет, некогда архиепископ Кентерберийский, упорно сопротивлялся добрым законам, установленным против преступлений духовенства наиболее благороднейшим предком Его королевского высочества королем Генрихом II ради общего блага, мира и спокойствия этого королевства; из-за своевольного нрава бежал из королевства во Францию и к епископу Римскому, поддерживавшему эти преступления, дабы добиться отмены вышеупомянутых законов, из-за чего много бедствий приключилось в этом королевстве...»⁸

Первый этап реальной, документально подтвержденной войны двух Томасов, Кромвеля и Кранмера, против Томаса Кентерберийского начался в сентябре 1538 г. Он ознаменовался наступлением прежде всего на гробницу святого, воплощавшую овеществленную память о нем. В соответствии с «Инструкциями» духовенству, изданными Кромвелем, в Англии следовало пресечь многовековую практику паломничеств к мощам, гробницам и чудотворным образам. Хронист Эдуард Холл записал под рубрикой «Тридцатый год правления короля Генриха VIII»: «В сентябре по специальному распоряжению лорда Кромвеля все известные образы, к которым совершались какие-либо особые паломничества и приношения (такие как образы из Уолсингема, Ипсвича и Вустера⁹, а также Богоматерь из Уилсдона и многие другие) были удалены, и сходным образом уничтожены гробницы ложных святых, таких как Томаса Бекета и некоторых других»¹⁰.

Сокровища, украшавшие гробницу, и дары, приносимые святому, были конфискованы в королевскую казну¹¹. По преданию, бесценный камень, некогда пожалованный на украшение саркофага королем Франции Людовиком VII, Генрих VIII вставил в свой перстень. Церковный историк епископ Годвин утверждал, что люди короля вывезли из Кентербери два тяжелых сундука с золотом и драгоценностями, поднять каждый из которых могли лишь не менее восьми человек.

Судьба же самих останков святого до конца не ясна. Существуют две версии того, как английские власти распорядились почитаемыми в народе мощами. Согласно наиболее распространенной точке зрения, принятой в XVI в. как протестантскими, так и католическими авторами,

кости Томаса Бекета были сожжены по приказу Кромвеля, а прах развеян. Из этой версии исходил и папа римский, отлучая английского короля: «Тело было извлечено и сожжено, а пепел развеян по ветру. Это было беспримерное варварство, превосходящее мстительность врагов, которые обычно не распространяют свою ненависть за пределы, положенные смертью, и не сражаются с могилами и останками умерших»¹². Современник событий, кардинал Реджиналд Пол, также не сомневался в том, какая участь постигла мощи: «... он [Генрих] пожелал извлечь из гробницы кости человека, умершего так много веков назад и...бросить их в огонь, а когда они превратились в пепел - развеять их по ветру; слышал ли кто-нибудь когда-нибудь о таком примере варварства?»¹³

Спустя десять лет после описываемых событий в Кентербери оказался испанец герцог Найера, секретарь которого записал в отчете о путешествии: «Мощи благословенного святого Томаса, архиепископа этого города, нынешний король Англии... приказал убрать и, как утверждают, сжечь под предлогом того, что люди почитали как святого человека, не имевшего права на это звание...»¹⁴ В том, что дело обстояло именно так, не сомневались и немецкий протестант Иоганн Слейден, и английские хронисты XVI в. Т.Ризли, Дж.Стау, Р.Холиншед, добросовестно переписывавшие друг у друга пассажи о том, как в саркофаге были обнаружены кости и поврежденный череп, внутри которого находился кусок, отколовшийся, когда архиепископу нанесли смертельное ранение - «и все они были сожжены в той же церкви лордом Кромвелем»¹⁵.

Существует, однако, иная, менее распространенная версия, основанная на рукописных заметках Томаса Дерби (1538), которые, вероятно, были черновым наброском для какого-то пропагандистского текста (либо гомилии, предназначавшейся проповедникам в английских церквях, либо апологии церковной политики Генриха VIII на континенте). Дерби настаивал на том, что кости святого, действительно обнаруженные в гробнице, включая череп с отколотым куском, были вовсе не сожжены, а тайно перезахоронены в некоей башне, «дабы вновь не породить суеверий». Распространенное же мнение о публичном сожжении останков он объясняет следующим образом: якобы в церкви был найден еще один череп, значительно большего размера, и рана на нем была на три четверти больше, чем у черепа из гробницы. Именно эта «фальшивка» (feigned fiction), по словам Дерби, и была сожжена. Но, продолжал он, «если сожгли эту голову, значит ли, что был сожжен Томас Бекет? Совершенно определенно - нет». Автор апеллировал к разуму соотечественников, ссылаясь на то, что и мощи прочих святых, в частности, св. Свитсина, были «захоронены в безопасном месте, а не сожжены, как неверно предполагают»¹⁶.

Другой весьма осведомленный современник событий клерк Тайного совета во времена Эдуарда VI Уильям Томас, признавая факт разграбления гробницы Бекета, также утверждал, что его мощи уцелели,

однако «их смешали с костями такого множества мертвых, что если не произойдет какого-то великого чуда, их будет невозможно снова отыскать»¹⁷.

В пользу этой версии говорит и то, что ни в одном из официальных распоряжений Генриха VIII или Кромвеля не идет речи о сожжении останков Бекета. Кроме того, в отличие от светских хронистов, пользовавшихся вторичными источниками и копировавших тексты друг друга, видные церковные историки XVI в. Джон Бейл и архиепископ Мэтью Паркер, интересовавшиеся «делом Бекета» и имевшие доступ к архивным материалам, не упоминают сожжения. Нет также достоверных документальных свидетельств о подобной участи мощей других английских святых¹⁸. (Более того, в 1888 г. в Кентерберийском соборе в Часовне Троицы было обнаружено захоронение черепа, характерные повреждения которого позволяют идентифицировать его как череп Бекета.)

Тем не менее, как бы в действительности ни сложилась судьба останков святого, его гробница, объект паломничества, была целенаправленно уничтожена и разграблена. Это был эффективный удар по тому, что служило материальным напоминанием, овеществленной памятью о Бекете. Пока почитаемая в народе гробница существовала, она превращала эту память, выражаясь современным языком, в «интерактивную», создавая иллюзию присутствия святого рядом с поколениями живых, которые по-своему общались с ним, прося о помощи, заступничестве и предлагая свои подношения. Разрушение гробницы уничтожило ядро, делавшее память живой и действенной.

Следующим этапом борьбы со святым стало наступление на «литургическую» и «иконографическую» память о нем. В ноябре 1538 г. была обнародована вышеупомянутая королевская прокламация, подготовленная Кромвелем, в которой говорилось: «Его милость недвусмысленно требует и приказывает, чтобы с этих пор вышеназванного Томаса Бекета не считали, не именовали, не упоминали и не называли святым, но только епископом Бекетом; и чтобы его образы и изображения по всему королевству убрали и устранили из всех церквей, часовен и прочих мест; и чтобы с этих пор дни, которые обыкновенно были праздниками в его честь, не соблюдались; и чтобы службы, антифоны, коллекты и молитвы не читались, но были стерты и вычеркнуты из всех книг...»¹⁹

За этим распоряжением последовало тщательное вымарывание из многочисленных богослужебных книг имени Бекета и его изображений на книжных миниатюрах, уничтожение скульптур, фресок и витражей, в результате чего в Англии почти не сохранилось средневековых образов кентерберийского мученика. Церкви, освященные в память о Бекете, лишались своего прежнего имени. В частности, хронист Эдуард Холл упоминал службы в церкви, «прежде именовавшейся церковью св. Томаса-на-Акре (но ныне зовущейся Часовней мерсеров)»²⁰.

Тем не менее, ни цензурная правка литургических книг, ни акты избирательного иконоборчества в отношении Бекета не были достаточно эффективными, чтобы быстро искоренить память о святом, почитавшемся в Англии 400 лет. Неутешительные результаты первого этапа официальной антибекетовской кампании подвел в 1539 г. известный протестантский теолог, один из переводчиков Библии на английский язык Майлс Ковердейл. Побывав в Беркшире, он писал, что повсюду сталкивался с проявлениями «папизма» и свидетельствами культа Томаса Бекета. Те же факты с горечью констатировал Томас Кранмер на конвокации 1542 г.²¹

Чтобы развенчать святого, в особенности в глазах образованного населения, знакомого с хрониками, требовалось не только создать альтернативную протестантскую версию истории о мятежном архиепископе, но и внедрить ее в массовое сознание. Основы «ревизионистской» концепции, ставящей под сомнение мученичество Бекета, были заложены уже в прокламации 1538 г., в которой Кромвель постарался не только представить его государственным преступником, но и низвести драматичную сцену его гибели до уровня банальной бытовой стычки, в которой архиепископ Кентерберийский выступал едва ли не зачинщиком и драчливым обидчиком беззащитного рыцаря, в результате чего случайно пострадал сам. В тексте прокламации утверждалось: «... его смерть, которую несправедливо называют мученичеством, случилась из-за того, что он [Бекет] защищался; и, как пишут, ответил оскорблениями джентльменам²², которые советовали ему оставить свое упрямство во избежание волнений среди тех, кто поднялся, чтобы его защитить; и он не только назвал одного из них негодяем, но также схватил Трэси за грудки, сильно потрянул и толкнул его так, что почти бросил его на пол церкви; в столкновении один из них, заметив это, ударил его и, таким образом, в толчее Бекет был убит. И далее: поскольку он был канонизирован римским епископом только за то, что защищал и поддерживал незаконно присвоенную тем власть и преступления церкви, - по этим и иным веским и важным причинам, слишком многочисленным, чтобы их приводить, Его королевское величество по рекомендации своего Совета счел необходимым объявить своим любящим подданным, что, невзирая на канонизацию, не обнаруживается ничего в его [Бекета] жизни и поведении, что позволило бы ему называться святым, но скорее напротив, следует считать его мятежником и предателем своего государя»²³.

В создании новой официальной истории Бекета принимали участие многие протестантские теологи и государственные деятели, но ни один из них не стал столь прямолинейно и цинично, как Кромвель, подавать факты, касавшиеся самого момента гибели архиепископа. Однако общая трактовка его церковной политики и спора с королем, естественно, была негативной и выдержана в духе прокламации 1538 г.

Свою лепту в развенчание святого внес в конце 30-х годов видный протестантский теолог, проповедник и драматург Джон Бейл, труды и пьесы которого, написанные на религиозные сюжеты, пользовались в Англии большой популярностью. В своей «Трагедии об Иоанне, короле Англии» он наделил главного героя, Иоанна Безземельного, чертами реформатора, вызывавшими множество ассоциации с образом Генриха VIII. Выслушивая жалобы вдовицы-Англии, притесняемой алчным духовенством, король резко порицает это сословие:

«Я скажу так: вы что-то чересчур раздобрили
И вскоре, надеюсь, вам придется похудеть».
« I say; ye are a little too fat;
In a while, I hope, ye shall be leaner somewhat».

Именно духовенство, по мнению короля, низводит Англию до положения ничтожества, выманивая у нее деньги с помощью ложного благочестия и превращая народ в ослов. Среди прочих «наживок для ловли своей добычи» клир использует «драгоценности, святыне мощи, мессы» и т.д. Если в этих строках содержится лишь намек на гробницы святых как приманку для суеверных простаков и одновременно отсылка к тексту Эразма для более просвещенной части читателей, то ниже Бейл прямо упоминает архиепископа Кентерберийского, заявляя, что тот погиб, «отстаивая распущенность церкви», и посему не заслуживает причисления к лику святых²⁴.

Одним из первых творцов протестантского мифа о Бекете стал Уильям Томас - клерк королевского Совета при Эдуарде VI. В трактате «Il Pelegrine Inglese», вышедшем сначала на итальянском, а позднее и на английском языке, он, взывая к обострившимся национальным чувствам английских протестантов, утверждал, что когда Бекет покинул Англию и прибыл в Рим, он якобы добился отлучения английского короля от церкви и наложения интердикта на всю страну, из за чего «на четыре года и мессы и другие публичные службы полностью прекратились»²⁵. Это фактически неверное утверждение было либо искренним заблуждением У.Томаса (который перенес события, последовавшие за смертью Бекета, на более ранний период и приписал наложение епитимьи интригам архиепископа) либо сознательной подтасовкой, призванной вызвать возмущение патриотически настроенных сторонников национальной церкви.

Наиболее последовательным и насмешливым «разоблачителем» Бекета стал авторитетнейший протестантский писатель Джон Фокс, автор знаменитых «Деяний и памятников церкви Англии» (1563г.), более известных в просторечии как «Книга мучеников». Труд Фокса считается самой читаемой книгой в Англии XVI в. после Библии. Он создавался в период, когда споры об истинной вере и выборе модели церковного устройства снова стали актуальны: в годы контрреформации Марии

Тюдор и гонений на протестантов, а также в ранний период правления Елизаветы I, когда облик вновь восстановленной англиканской церкви еще окончательно не сложился. То, что казалось непререкаемыми истинами творцам Реформации эпохи Генриха VIII и протестантам-эдвардианцам, приходилось обосновывать заново и отстаивать в полемике с воспрянувшими при Марии католиками и с консервативным крылом англиканского духовенства. По-видимому, этим определялся резкий обличительный тон, избранный Фоксом в отношении католического «лжесвятого» и «лжемученика».

Дж.Фокс весьма подробно пересказывает историю Томаса Бекета, черпая сведения из доступного всем кругу источников, в основном - средневековых хроник. (Любопытно, что его повествование почти дословно совпадает с текстом изданной в 1569 г. хроники Р.Графтона, опиравшегося на те же первоисточники, за исключением лишь тех пассажей, где Фокс дает собственную оценку действиям и характеру архиепископа.) Автор не скрывает, что его намерение - отделить истину от «льстивых восхвалений и лжи папистских писателей, излагавших его [Бекета] историю». Дабы у читателя не оставалось никаких сомнений относительно мнения Фокса о католическом святом, он немедленно излагает свою точку зрения: «Если таковы основания, по которым [человек] становится мучеником, я не вижу причин считать Томаса Бекета мучеником в большей степени, чем любого из тех, кого королевский меч карает за преступления. Я полагаю, что погибнуть во имя церкви - славное дело. Но церковь (поскольку это церковь духовная, а не земная) стоит на небесном основании, как то: на вере, религии, истинном учении, искреннем послушании, покорности Божьим заповедям, а не на вещах, принадлежащих к земному миру, а именно владениях, свободах, льготах, привилегиях, достоинствах, патримониях и первенствовании. Если все это даровано церкви, я буду молить Господа о том, чтобы ее люди сумели распорядиться им должным образом; если же нет - церковь не должна этого требовать; а если все это отнято - то подобные меры находятся во власти государя. Спорить с королем из-за этих вещей значит, по-моему, сделаться не мучеником, а скорее мятежником». При этом Фокс явно жалеет, что Бекет в свое время не был осужден по закону, а погиб от рук частных лиц, «без распоряжения со стороны короля или правосудия». Если бы над ним свершился справедливый приговор, «это было бы безопаснее для короля, а его смерть не дала бы никакого основания говорить о мученичестве, и не было бы ни последующего сооружения гробницы, ни превращения его в святого» (тон Фокса в этом месте полон иронии: он не пользуется общепринятыми литературными терминами, обозначающими канонизацию, но несколько пренебрежительно говорит о «shrining and sainting of him») ²⁶.

Тут же протестантский проповедник позволяет себе отвлечься и посетовать на то, что в прошлом императоры не поступали «по закону» и

с противостоявшими им папами, а между тем, плотоядно замечает Фокс, «если бы они воспользовались против пап законом меча и снесли (chopped off) головы одному-двоим, воздав за их предательства и мятежи, они бы переломили хребет [служивший опорой] многих беспорядков, еще долго беспокоивших церковь»²⁷. Историю Бекета он рассматривает не как отдельный конфликт между архиепископом и королем, а в контексте векового противостояния светских магистратов и пап, присвоивших себе значительно больше власти, чем это определено Писанием. Поэтому сама личность Бекета не вызывает у него особого неприятия. Правда, Фокс характеризует его как человека упрямого и не поддающегося убеждению, но в то же время признает за ним природные способности, неплохое знакомство с гражданским правом, светскую обходительность, искушенность в мирских делах, а также благочестие и искреннюю набожность. Однако, в его глазах, это была «набожность без истинной веры и истовость без подлинного знания». «И поскольку он был жестким и упрямым по природе (а к этому нужно присовокупить еще и его слепое неразумие) все это привело к обыкновенному мятежу. Столь суверен он был в отношении подчинения папе, что забыл о подчинении своему природному и благодетельнейшему королю». При этом самым тяжким грехом Бекета Фокс считал своего рода «национальное предательство» - бегство из страны и разжигание распрей между папой и английским королем, а также Англией и Францией, «что привело к немалому беспокойству для короля и ущербу для королевства»²⁸. (Трудно не усмотреть в этих оценках параллелей с текстом официальной кромвелевской прокламации 1538 г.).

Повествование о жизни и деяниях архиепископа Кентерберийского Фокс ведет чрезвычайно обстоятельно, воспроизводя пространные пассажи из средневековых хроник, «тексты» речей Бекета и переписку между папой Александром, Генрихом II и королем Франции по поводу конфликта вокруг вольностей и привилегий английской церкви. Опора на средневековые источники придает тексту Джона Фокса довольно парадоксальный характер (впоследствии это будет проявляться и в творчестве других протестантских авторов): приводимые речи Бекета в защиту «матери-церкви», его упреки в трусости и сервильности, адресованные английскому епископату, сцена добровольного сложения с себя сана перед лицом римского папы и т.д. «работают» не на обличительный замысел автора, а скорее против него, делая образ архиепископа ярким и достаточно привлекательным. По-видимому, Фокс не до конца отдавал себе отчет в том, как функционировали в рамках его нарратива фрагменты, заимствованные у предшественников, и авторские комментарии, в которых он, разумеется, расставил все необходимые акценты. Однако соотношение объемов «позитивного» изложения и негативных выводов, а также их стилистика были таковы, что обличительные пассажи тонули в массе текста и, по сути дела, могли

убедить лишь заведомых единомышленников автора, но отнюдь не правоверных католиков или сомневающихся.

Тем не менее Фокс полагал, что справился со своей задачей и открыл очевидные истины «слабым сим, которые считали и *все еще считают его* [Бекета] *святым*, не имея разума, чтобы судить или разбираться в людских делах»²⁹. Вся его аргументация основывалась на одном тезисе, постоянно втолковываемом читателю: «архиепископ посмел жаловаться на его короля иностранному владыке». Фокс даже допускает, что король мог угрожать личной безопасности Бекета, но тому достаточно было бежать за границу и оставаться там, - «какое он имел право, ради своей частной мести подстрекать властителей к публичной ссоре?»³⁰ Тема причинения вреда монарху и государству доминировала у Фокса и в сцене убийства Бекета. Четверо рыцарей, явившихся в Кентербери, чтобы затеять ссору с архиепископом, выдвигают лишь одно обвинение: его нежелание снять папское отлучение с английских епископов, короновавших по воле Генриха II его сына без санкции папы и участия примаса английской церкви. Они именуют архиепископа изменником и предателем по отношению к королю и наследнику престола и в результате гневной перепалки убивают его. Эту сцену Фокс трактует в соответствии с давней историографической традицией, а не по кромвелевскому канону: подчеркивает, что Бекет не стал прятаться, не позволил монахам закрыть двери собора и ждал своих убийц, как и обещал им, у алтаря в северной части трансепта. Протестантский автор не отказывает архиепископу в мужестве и достоинстве, но и не драматизирует ситуацию, излагая факты скупно и индифферентно и не акцентируя осознанного стремления Бекета к мученичеству, которое обычно подчеркивали средневековые хронисты.

Поскольку одним из главных оснований для канонизации Бекета были приписываемые ему чудеса, Фокс обрушился на тех, кто распространяет эти «фантастические, невероятные истории» и «лживые легенды», с уничтожающей критикой. В принципе он не отрицал чудес, ссылаясь на то, что с их помощью во времена раннего христианства обращали язычников; однако, по его мнению, в них не было нужды «в христианском королевстве, которое уже узнало слово Божие». «Какая необходимость была у Господа, - восклицает Фокс, «творить такие чудеса после смерти человека, который не совершил ни единого за всю свою жизнь?»³¹ Ссылаясь на Св.Писание, он напоминал простодушным верующим о том, что чудеса могут исходить от антихриста и лжепророков³², но сам был более склонен приписывать их проделкам праздных монахов, которые и во времена Бекета и позднее устраивали их «для возвеличивания их церкви и выгоды своих кошельков». Что же касается чудес Бекета, перечень которых насчитывал 270 примеров, Фокс со своеобразным протестантским рационализмом утверждал, что все они - «за гранью достоверного и разумного (*far beyond all truth and reason*), некоторые нелепы, некоторые чудовищны, напрасны и абсурдны,

некоторые - богохульны и настолько бесстыдны, что не только не заслуживают доверия (попахивая к тому же обыкновенным мошенничеством), но и приводят в замешательство скромного автора, чье перо затрудняется их описать»³³. Не стремясь, по его словам, отнимать хлеб у грезящих наяву и празднующих по монастырским галереям братьев, «которым больше нечем поддержать свою веру», Фокс тем не менее приводит длинный список болезней, от которых исцелял святой (лихорадка, подагра, зубная боль, падучая, проказа, переломы рук и ног, искривления, женские болезни и т.д. вплоть до воскрешения мертвых с помощью освященной в Кентербери воды), приглашая просвещенных читателей посмеяться над этим. Он иронизирует над видениями монахов, в которых Томас Бекет, вознесенный на небеса, восседает среди апостолов превыше прочих мучеников (поскольку они приняли муки за собственную веру, а английский святой пострадал за дело вселенской церкви), и над рассказами о том, что святой якобы выхлопотал для каждого монаха и священника из Кентербери, а также для всех жителей этого города право быть занесенными в Книгу жизни³⁴.

В качестве примера типичного чуда, сотворенного Бекетом, Фокс намеренно выбирает «приземленный» случай с неким крестьянином Эйлвардом, несправедливо обвиненным в краже его собутыльником и ослепленным по приговору суда. После молитвы, обращенной к св.Томасу, у того снова появились глаза (при этом, поскольку они росли постепенно, один остался серым, а другой стал черным). «По этому чуду» - восклицает автор, «вы можете судить и об остальных...Если провозглашение Томаса Бекета святым ни на чем более не основывается, кроме его чудес, то как в это можно верить? И благодаря этому хорошо видно, на каком шатком фундаменте так долго держалась его гробница»³⁵.

Как истинный протестант Фокс не мог не упомянуть в полемике с католиками, что чрезмерное возвеличивание святого ввергло верующего в заблуждение относительно того, кто является истинным искупителем человеческих грехов и единственным Спасителем. Он гневно цитирует некий католический гимн, превозносящий Бекета³⁶, который, по его мнению, богохулен, так как приписывает святому заслуги самого Христа и отвлекает верующих простецов от прославления того, кому единственному должно возносить все хвалы и почести.

Расправившись таким образом с памятью о «лжесвятом», Джон Фокс еще раз вернулся к нему в другой книге своих «Деяний и памятников», где излагал события недавнего прошлого, рассказывая о реставрации католицизма во времена Марии Тюдор. Он привел анекдотическую историю о «протестантском чуде» с Томасом Бекетом, которую с иронией и нескрываемым одобрением противопоставил чудесам католиков. 14 февраля 1555 г. лорд-канцлер и епископы повелели «установить изображение Томаса Бекета, этого старого римского предателя, над порталом Часовни мерсеров в лондонском Чипсайде, в

облике епископа в митре и с посохом... Через два дня после его водружения сначала два его пальца, сложенные для благословения, были отбиты, а на следующий день то же произошло и с его головой». По подозрению в этом преступлении были арестованы некий торговец-протестант Джон Барнс и трое его слуг; по выходе их тюрьмы их обязали восстановить статую на собственные деньги и охранять ее. Однако сразу же после реставрации голова снова была отбита. Фокс с гордостью сообщал, что несмотря на награду в 100 золотых марок, обещанную тому, кто укажет преступника, никто и никогда не узнал, кто это совершил³⁷.

Под влиянием протестантской «контрпропагандистской» кампании новая трактовка образа Бекета постепенно укоренялась в сознании тех англичан, которые принимали идею государственной церкви (что же касается католиков, они, разумеется, продолжали горячо отстаивать святость мученика³⁸). В качестве подтверждения этому можно сослаться на иллюстрированную историю английских королей, изданную в 1562 г. неким Г.Годетом. Этот генеалог и малоизвестный историк-дилетант собрал в своей книге воображаемые портреты как мифических, так и реальных государей, сопроводив их краткими заметками о наиболее примечательных событиях их царств. Под гравюрой с изображением Генриха II автор написал: «Как я выяснил, в его время был убит Томас Кентерберийский, *этот дурной человек*»³⁹.

Однако, наряду с, казалось бы, окончательным развенчанием святого, в английской историографии второй половины XVI в. наблюдалась и другая тенденция - постепенное смягчение оценок и сокращение числа выпадов и уничижительных комментариев в адрес Бекета. По-видимому, во многом это определялось общей политической и религиозной атмосферой 70-х годов, когда в Англии утвердилась весьма умеренная в доктринальном отношении протестантская церковь, окончательно отказавшаяся при этом от почитания святых. Острая полемика о паломничествах, реликвиях и образах, пики которой пришлись на 30-е годы и эпоху контрреформации Марии Тюдор, ушла в прошлое; в обозримом будущем угроза реставрации культов святых не казалась протестантам реальной.

С другой стороны, подход Елизаветы I к решению церковно-политических проблем весьма отличался от разрушительной практики Генриха VIII и Эдуарда VI. Королева никогда не была сторонницей иконоборчества и ниспровержения гробниц, напротив, она предписывала своим подданным воздерживаться от подобных актов, памятуя о художественной ценности церковных святынь. В ее правление история Бекета перестала порождать актуальные аналогии и параллели (неизбежно возникавшие между Генрихом II и Генрихом VIII как активными участниками острых конфликтов с церковью). Неудивительно, что в глазах елизаветинских авторов сюжет, связанный с Бекетом, стал приобретать антикварный интерес и покрываться налетом благородной патины.

В то же время более сдержанному и объективистскому взгляду на «старого римского предателя» явно способствовали не только политические обстоятельства, но и характер самой исторической науки того времени, развитие архивного дела и критических методов исследования, опора на источники, признание необходимости ссылок на документы и точного цитирования и т.д. Принципиальные установки елизаветинских историков, объединившихся в ученое сообщество антиквариетов, в котором лидировал авторитетнейший У. Кемден, требовали беспристрастности и ознакомления читателя с как можно более широким кругом источников. В результате, как это ни парадоксально, но самая техника историописания помогла Томасу Бекету как персонажу не только уцелеть в протестантской литературе, но и обрести в ней новую полнокровную жизнь.

Выше уже упоминался труд Графтона, первое издание которого вышло в свет в 1569 г., спустя шесть лет после книги Д.Фокса. В отличие от своего предшественника, апологета протестантизма и пламенного полемиста, хронист Графтон избирает иной тон. Для реконструкции истории Бекета он использует широкий круг источников, которые старательно перечисляет: это так называемая Четырехчастная хроника, Полихроникон, сочинения Фабиана, Генриха Хантингтонского, Роджера Ховеденского, Эдуарда Холла и др. Как и в случае с Фоксом, обильно цитируемые тексты средневековых монахов и католических авторов не могут не оказать влияния на Графтона, выступающего скорее в качестве компилятора, чем автора, имеющего собственную концепцию событий. Критические высказывания в адрес Бекета в его повествовании практически отсутствуют, если не считать пары упреков в высокомерии и упрямстве. Среди авторских маргиналий, суммирующих содержание различных разделов хроники, есть такие, которые отражают протестантский взгляд на Бекета («Becket in faule rage»), но встречаются и формулировки, в которых сквозит восхищение этим человеком («Thomas Becket a man of great courage»). Графтон не испытывает праведного гнева по поводу канонизации архиепископа, и, упоминая этот факт, не только оставляет его без каких-либо оговорок, но и приводит сведения о паломничествах к его гробнице короля Шотландии Вильгельма, Людовика VII Французского и патриарха Иерусалимского Ираклия⁴⁰.

Однако, пожалуй, в самой яркой форме причудливое сочетание идейного неприятия, с одной стороны, и подробного, подчас сочувственного повествования о Бекете - с другой, встречается в известнейших елизаветинских «Хрониках» Рафаила Холиншеда, опубликованных в 1577 г. Холиншед менее всего претендовал на то, чтобы считаться самостоятельным автором. В молодости он нанялся на работу в типографию Реджиналда Вулфа, задумавшего создать подробную компиляцию по английской истории на основе наиболее известных хроник. После смерти инициатора этого проекта работу продолжили его компаньоны Дж.Бишоп, Дж. и Л.Харрисоны и

Р.Холиншед, со временем возглавивший ее. Принцип построения их «Хроник» предполагал воспроизведение оригинальных источников с минимальными вставками нового авторского текста и комментариев.

В самых общих подходах к истории Бекета Холиншед как правоверный протестант следует официальной кромвелевской версии, именуя архиепископа «лжесвятым» и обвиняя его в том, что он с самого начала своей политической карьеры замыслил измену королю (для чего пытался заполучить в управление целый ряд крепостей). Он один из немногих историков, воспроизводивших сцену, в которой Бекет якобы атаковал Уильяма Трэси и «почти бросил его на землю». Вместе с тем, в его работе доминирует сочувственное повествование, восходящее к трудам Иоанна Солсберийского, Четырехчастной хронике, Матвеем Парижскому, Роджеру Ховеденскому, Полидору Вергилию и другим католическим авторам, рисовавшим святого не только доброжелательно, но и восторженно. Холиншед многократно цитирует исполненные достоинства и уверенности в своей правоте речи архиепископа, его предсмертные слова: «Я готов умереть за моего Господа, защищая его правление и свободу церкви». Как и Графтон, на полях он позволяет себе не до конца выдержанные с идейной точки зрения замечания (так одну из рубрик он называет «Стойкое мужество (the stout courage) архиепископа») ⁴¹.

Еще одним следствием эрудитства Холиншеда, располагавшего богатым собранием источников, стало сообщение читателю массы деталей и подробностей о начальном этапе политической карьеры Бекета, а также упоминание колоритной средневековой легенды о том, что матерью архиепископа была сарацинка из Сирии, последовавшая в Лондон за его отцом ⁴².

Холиншед (или его соавторы) явно испытывал интерес к Бекету как к незаурядной личности и, вольно или невольно, воскресил в своих «Хрониках» его волнующий героический образ. Финальные оценки историографа сводятся к тому, что гибель архиепископа стала следствием его бескомпромиссности и безрассудной смелости, граничившей с дерзостью. Если бы прелат был мудрее и покладистее, конфликт с королем можно было уладить. Таким образом, в отличие от Фокса, Холиншед склонен рассматривать казус Бекета не в контексте государственно-политического развития и противостояния светской и духовной властей, а в несколько ином измерении - как драму личности. Для него эта история сродни античной трагедии о крушении бесстрашного и чрезмерно возвысившегося героя, из которой автор пытается извлечь назидание потомкам в духе «парадигмической» дидактической греческой историографии и трудов чрезвычайно популярных в елизаветинской Англии Ксенофонта и Фукидида. «Вот вы и выслушали трагическую повесть о честолюбивом Бекете, - обращается он к своим читателям, - «мы должны извлечь из нее урок: возвышение, достигнутое благодаря амбициям, неустойчиво, и те, кто его добиваются,

оказываются так далеки от стяжания славы и известности, что в конечном итоге, после их гибели и кровопролития все оборачивается позором, бесчестьем и хулой. Исход этой трагедии следует приписать Провидению и воле Всемогущего Господа, как некто весьма уместно написал по сходному поводу». Далее Холинshed приводит цитату из «Трудов и дней» Гесиода о взлетах и падениях людей, низвергаемых небожителями:

« Nam facile extollit facile elatumq; refrænat,
Et clarum obscurans, obscuri nomen adauget.
Erigit et miserum facile extinguitque superbum
Iuppiter altifremus, cui celsum regia coelum»⁴³.

Завершая свое повествование этими поэтическими строками, хронист окончательно переносит данный сюжет из области идейной полемики в сферу литературы и антиквизированных философских размышлений о превратностях человеческой судьбы, тем самым оставляя католическому мученику просторную нишу для выживания в новой официальной национальной истории, создаваемой протестантскими авторами.

Самый авторитетный из елизаветинских историков-антиквариев Уильям Кемден упомянул гробницу Томаса Бекета при описании Кентербери в своем фундаментальном историко-топографическом труде «Британия», вышедшем первым изданием в 1590 г. Показательно, однако, что он не воспользовался поводом, чтобы остановиться в связи с описанием собора и на самой истории конфликта архиепископа с королем, полагая, по-видимому, что она общеизвестна. Кемден добросовестно воспроизвел мнение Эразма о чрезмерной роскоши гробницы святого, затмевавшей славу самого Христа. Солидаризируясь с ним, антикварий сетовал и на то, что почитание Бекета отодвигало на второй план память о других, подлинных героях английского народа, также похороненных в Кентербери - славном воителе Эдуарде Черном Принце, и могущественном короле Генрихе IV⁴⁴. Таким образом, Кемдену сюжет, связанный с Бекетом, кажется неактуальным, героическое и драматическое для своей истории он ищет в других событиях и персонажах, но симптоматично, что выдающийся антикварий не тратит времени и на «разоблачение» святого и обоснование его ниспровержения в эпоху Реформации.

Очевидно, что к концу века историографическая война со святым стала затихать. Джон Фокс выполнил свою миссию, продемонстрировав грамотным протестантам (а таковых было большинство) негативную роль архиепископа в национальной истории, однако уничтожить святого, дискредитировав его, оказалось не под силу даже ему. Бекет продолжал вызывать интерес, а его яркий и полнокровный образ возродился на страницах протестантских сочинений, помимо воли их авторов. Что же

касается других сфер борьбы с ним, то и здесь власти добились лишь относительных успехов.

Несмотря на изъятие из церковного календаря праздников в честь святого (29 декабря - день поминовения, 7 июля - перенос его мощей), в нем уцелел незатронутый прокламацией 1538 г. день, так или иначе воскрешавший память о Бекете - праздник Троицы, который получил фиксированное положение в католическом календаре с его легкой руки в бытность его архиепископом Кентерберийским. (До предложенной им реформы его праздновали в различных европейских странах в разное время. По распоряжению Томаса Бекета в Англии за ним закрепили первое воскресенье после Пятидесятницы, а в 1333 г. папа Иоанн XXII распространил этот обычай на все католические страны). У англичан, получивших хорошее теологическое образование и сведущих в истории национальной церкви, не говоря уже о крипто-католиках, этот день неизбежно ассоциировался с фигурой архиепископа Кентерберийского.

Память о 7 июля как дне святого также не изгладилась в Тюдоровскую эпоху благодаря устоявшейся традиции созывать после него четвертные сессии мировых судей в графствах. По свидетельству Томаса Смита, видного государственного деятеля и автора трактата о политическом устройстве Англии «De Republica Anglorum», этот порядок, установленный статутом Генриха V, не претерпел никаких изменений⁴⁵.

Что же касается церквей и госпиталей, освященных в честь английского мученика, то прихожанам и местному клиру нередко удавалось сохранить его имя, утверждая, будто церковь была посвящена св.Фоме-апостолу, хотя ее история явно указывала на английского тезку последнего. Принудительное переименование скорее способствовало не искоренению памяти о святом, а сохранению ее в устной традиции. Неудивительно, что при благоприятном для католиков повороте событий с восшествием на престол Марии Тюдор, возвращение к прежним названиям совершалось достаточно быстро. Однако даже при протестантах авторитет святого патрона, слывшего защитником простого люда и благочестивым человеком, продолжал освящать благотворительную практику, осуществлявшуюся в старых стенах. Примером может служить уже упоминавшаяся церковь св.Томаса Бекета, основанная в Чипсайде его сестрой Агнес Бекет и ее мужем. Земля, на которой заложили церковь и госпиталь для бедных, издавна находилась в собственности семейства Бекетов, когда-то там стоял дом, где родился будущий примас английской церкви. Генрих VIII упразднил госпиталь, однако в 1541 г. финансист Р.Грэшам и компания мерсеров приобрели эти земли и уже от собственного имени занялись благотворительностью. Тем не менее «мемориальный» характер их дома призрения, связанный с именем Томаса Бекета, сохранился, как и в случае с другой церковью - в Саутверке. На ее месте когда-то была богадельня, основанная монахами-августинцами и подвергшаяся разгрому при Генрихе VIII. В 1552 г. городские власти выкупили место и организовали новый госпиталь,

недолго известный как «Королевский». Однако скоро это название кануло в лету, вытесненное прежним именем св.Фомы (Томаса)⁴⁶.

Чистка литургических книг и прочей литературы, связанной с Бекетом, безусловно, достигла своей цели: имя святого исчезло из богослужебной практики, но это не означало, что манускрипты и печатные издания, церковная утварь и фрагменты витражей с его изображениями были совершенно уничтожены. Как выяснилось в период Контрреформации, многое было припрятано до поры до времени и возвращено в церкви после реставрации католичества⁴⁷. В основном это были ценные книги и рукописи, хранившиеся вопреки запретам, не только в католических, но и в протестантских семействах. Показательна с этой точки зрения история Часослова, переданного в 1615 г. в дар Бодлеянской библиотеке в Оксфорде Ричардом Конноком, аудитором двора наследника английского престола принца Генри. Будучи горячим протестантом, принц, тем не менее, хранил в личной библиотеке прекрасный иллюминированный том in quarto, принадлежавший ранее Марии Тюдор, в котором сохранились в неприкосновенности иллюстрации со сценами мученичества Томаса Бекета. В начале XVII в. в обстановке терпимости к католикам, проявляемой при дворе Якова I Стюарта, Коннок, по-видимому, уже не считал опасным признаться в обладании этой книгой, но все же оговорил, что дарит ее «не из-за учения, которое содержится в ней, но из-за иллюстраций, а также ее прежних владельцев, персон королевской крови»⁴⁸.

Манускрипты с трудами самого Бекета уцелели и в коллекциях историков-антиквариетов, и у просвещенных джентльменов, не готовых поднять руку на книгу. Во всяком случае уже в первом каталоге Бодлеянской библиотеки, опубликованном в 1605 г. (а ее собрание формировалось из добровольных пожертвований), среди поступлений значились две рукописные подборки «Посланий» Бекета, а также манускрипт, посвященный его чудесам⁴⁹. Туда же был передан сохранившийся средневековый витраж с изображением архиепископа, обличающего Генриха II.

Все эти факты (хотя автор признает их несистематичность и недостаток статистического материала) свидетельствуют о том, что несколько десятилетий наступательной официальной пропаганды оказались недостаточным сроком, чтобы поколебать представления об исторической личности, бытовавшие в течение нескольких веков. Даже весьма продуманные и хорошо организованные попытки церковных и светских властей манипулировать массовым сознанием казались успешными лишь на первый взгляд. Сама настойчивость, с которой подданным предписывалось забвение, приводила к диаметрально противоположному результату: периодически возобновляемые требования забыть о Бекете служили средством и гарантией сохранения памяти о нем.

С течением лет потомки-протестанты, в распоряжении которых, как мы видели, осталось немало материала для осмысления судьбы Томаса Бекета, стали относиться к неопасному уже мученику с меньшей подозрительностью, дорожа драматизмом и страстностью, которые он привнес в их историческое прошлое. Они оценили его непреклонность и преданность делу церкви, снисходительно простив «заблуждения» и приверженность «ложной» вере. Катарсис, неизбежно переживаемый при столкновении с трагедией подобного масштаба, эстетическое удовольствие от истории как драмы, постепенно оттеснили идеологические соображения на второй план. По мере дальнейшей эволюции англиканства, все более тяготеющего к своим истокам и сближению с католическим миром, под влиянием зародившегося в XIX в. Оксфордского движения и англо-католицизма, стало ясно, что прежние английские святые, столетиями служившие моральным ориентиром и своеобразными историческими героями народа, должны быть возвращены в национальный пантеон. Это и произошло с Томасом Бекетом, пережившим попытку вторичного убийства и благополучно занявшим почетное место в современном календаре праздников протестантской англиканской церкви.

- ¹ «Cum essem apud Britannos, vidit tumbam divi Thomae gemmis innumeris summique pretii onustam, praeter alia miracula divitiarum. Ego malim ista quae superflua sunt elargiri in usus pauperum, quam servare satrapis aliquando semel omnia direpturis, ac tumbam ornare frondibus ac flosculis id, opinor, gratius esset illi sanctissimo viro». - Colloquiorum Desiderii Erasmi Roterodami Familiarium Opus Aureum. L., 1688. P.97.
- ² *Thomas Cranmer. Churchman and Scholar. Woodbridge, 1999. P.109.*
- ³ Letters and Papers Foreign and Domestic of the Reign of Henry VIII. 21 vol. L., 1862-1932. Vol. XIII. Part II. P.49.
- ⁴ *Wilkins D. Consilia Magnae Britanniae et Hiberniae. L., 1737. Vol.III. P.835-6, 841.*
- ⁵ Цит. по: *Brown P.A. The Development of the Legend of Thomas Becket: A Thesis. Philadelphia, 1930. P. 240.*
- ⁶ *Collier J. An Ecclesiastical History of Great Britain. L., 1840. Vol. IV. P.437.*
- ⁷ См. также текст «приговора» в интерпретации Х.Энрикеса: *Mason A.J. What Became of the Bones of St. Thomas? Cambridge, 1920. P.167-168; Brown P.A. Op.cit. P. 242.*
- ⁸ Tudor Royal Proclamations. Ed. P.L. Hughes, J.F.Larkin. 2 vol. London; New-Haven, 1969. Vol. II. P. 275.
- ⁹ Имеются в виду статуи Богоматери в указанных местах, к которым совершались активные паломничества.
- ¹⁰ *Hall E. Chronicle Containing the History of England. L., 1809. P.826 (позднее этот текст дословно воспроизведет в своей хронике Р.Холинshed).*
- ¹¹ Р.Холинshed не слишком удачно, но очень точно сформулировал суть происходившего: «Гробница Томаса Бекета... была взята для нужд короля (The shrine of Thomas Becket...was taken to the King's use)». - *Holinshed R. Chronicles. L., 1808. Vol. III. P. 806-807.*
- ¹² *Collier J. Op. cit. Vol. IV. P. 437.*
- ¹³ *Epistolarum Reginaldi Poli Collectio. Brixioe, 1744. Vol. I. P.102.*
- ¹⁴ *Madden F. Narrative of the visit of the Duke of Najera to England, in the year 1543-44, written by his secretary, Pedro de Gaute // Archaeologia. 1831. Vol. XXIII. P. 350.*
- ¹⁵ *Stow J. Chronicle. L., 1580. P.1013; Holinshed R. Op.cit. Vol.III. P. 806-807; Wriothesley Chronicle // Camden Society. New Series. L., 1875. Vol.XI. P. 86.*
- ¹⁶ Цит. по: *Brown P.A. Op. cit. P. 248.*
- ¹⁷ *Mason A.J. Op. cit. P.162.*
- ¹⁸ *Brown P.A. Op. cit. P. 254.*
- ¹⁹ Tudor Royal Proclamations. Vol II. P. 276.
- ²⁰ *Hall E. Op. cit. P. 824.*
- ²¹ *Coverdale M. The Remains / Ed. G.Pearson. Parker Society. L., 1846. P. 68; Thomas Cranmer. Churchman and Scholar...P.201.*
- ²² Убийцами Бекета были рыцари Hugh de Morville, William de Tracy, Reginald Fitz-Urse, Richard le Breton.
- ²³ Tudor Royal Proclamations... Vol. II. P. 276.
- ²⁴ The Dramatic Writings of John Bale Bishop of Ossory. L., 1907. P.190-192. Подробнее о творчестве Дж.Бэйла см.: *Комарова В.П. Английская реформация в драмах Джона Бейля // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 231-238.*

- ²⁵ *Collier J.* Op. cit. P. 428.
- ²⁶ *Foxe J.* The Acts and Monuments of the Church... L., 1838. P. 129.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Ibid. P. 137.
- ³⁰ Ibid. P. 137, 138.
- ³¹ Ibid. P. 143.
- ³² Фокс ссылается на Матф XXIV, 24: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно и избранных»; П Фесс II, 9: «Того, которого пришествие, по действию сатаны будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными»; Откр XIII, 14: «И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле...».
- ³³ *Foxe J.* Op. cit. P. 143.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ By the blood of Thomas,
Which he for thee did spend,
Grant us, Christ, to climb,
Where Thomas did ascend.
- ³⁷ *Foxe J.* Op. cit. P. 738.
- ³⁸ Среди католиков-апологетов Бекета выделялся Т. Стэплтон, создатель «триптиха» «Три Фомы», посвященного наиболее авторитетным католическим святым, носившим это имя.
- ³⁹ *Godet G.* A brief abstract of the genealogie of all the Kynges of England. L., 1562.
- ⁴⁰ *Grafton R.* Chronicle of History of England. L., 1809. Vol I. P. 201, 203, 205, 214, 217-218.
- ⁴¹ *Holinshed R.* Op. cit. P. 136.
- ⁴² См. историю о сарацинке и народную балладу о ней в кн.: *Тьерри О.* История завоевания Англии норманами. СПб., 1868. Ч. II. С. 351-358.
- ⁴³ *Holinshed R.* Op. cit. P. 136, 137.
- ⁴⁴ «Gemmis raris, ut inquit qui vidit Erasmus, et prae grandibus collucebant, nitebant, fulgurabant omnia; templum etiam uniuersum plusquam regiis opibus undique luxuriaunt, Christique nomine quasi oblitterato, in S. Thomae transit. Nec ulla alia re aetque celebratum fuit, ad huius memoria, ac sepultura, licet aliorum sepulchra non immerito iactet, in primis Edwardi principis Walliae cognomento Negri, herois bellica laude ad miraculum praestantissimi, et Henrici III Regis Angliae potentissimi». - Britannia sive Florentissimorum Regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae et insularum adiacentium ex intima antiquitate Chorographica descriptio auctore Guilielmo Camdeno. Francofurti ad Moen, 1590. P. 252.
- ⁴⁵ *Smith Th.* De Republica Anglorum // Complaint and Reform in England. N.Y., 1976. P. 327.
- ⁴⁶ *Home G.* Medieval London. L., 1994. P. 310-311.
- ⁴⁷ Подробнее о сокрытии предметов католического культа и образов см.: *Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400-1580. New Haven, 1992.
- ⁴⁸ *Macray W.D.* Annals of the Bodleian Library, Oxford. A.D. 1598-1867. L., 1868. P. 42-43.

⁴⁹ «Tho. Becketti Epistolae M.S.Q. in arch.» - Catalogus librorum Bibliothecae publicae quam vir ornatissimus Thomas Bodleius...instituit. 1605. A facsimil. Oxford, 1986. P. 290; «Epist. Tho.Becket. Ms. In quarto. A.29. It. Eiusdem Miracula. MS.IB. - Ibid. P.435.